

maestro
of detective

ЧИНГИЗ
Абдуллаев

ТРИ ОСЕННИХ ДНЯ

Манипулятор

Чингиз Абдуллаев

Три осенних дня

«PEN-клуб»

2003

Абдуллаев Ч. А.

Три осенних дня / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2003 — (Манипулятор)

Агентство «Миллениум» в своем роде уникально: оно гарантирует успех выборов в законодательные органы любого (да-да, любого!) человека, который воспользуется его услугами. И до нынешнего момента благодаря организаторскому гению руководителя «Миллениума» Святослава Петровского никаких проколов не случалось. Но теперь на агентство словно обрушился злой рок. Один из клиентов внезапно остался без соперников по выборам. Второй накануне голосования загремел в больницу. А против кандидатуры третьего намертво встал местный губернатор. За три дня нужно решить три головоломных вопроса. Но не привыкший проигрывать Петровский все же берется за дело...

Содержание

Начало	5
День первый	11
Воспоминания	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Чингиз Абдуллаев

Три осенних дня

Кто мог подумать, что завтра вспыхнет зарницей? Кто предвидел позор, огонь и нещадную ночь Альянса? Кто бы сказал, что история хльнет на перекрестки – наша история, страсть и бесчестье, толпы как море, гулкое слово «Кордова», смесь реальности и сновиденья, ужаса и величья!

Хорхе Луис Борхес. Из сборника «Создатель»

Начало

Утром он любил прислушиваться к соловьям, которые облюбовали деревья вокруг территории его дачи. Птицы почему-то не садились в его саду, видимо избегая появляться в пространстве хоть и большого, но огражденного высоким забором участка. Они словно опасались, что здесь им грозят неприятности, и все попытки садовника приманить их оканчивались неудачей – соловьи с завидным упорством распевали за оградой. Кто знает, может, их отпугивало присутствие людей, может, запахи от машин, но они явно чувствовали себя увереннее там, снаружи, на бесхозных деревьях.

Вот и сейчас во двор въехали сразу два автомобиля: темный «шестисотый» «Мерседес» с водителем и помощником, выполнявшим роль своеобразного телохранителя, и серебристый джип «Ниссан Патрол» с четырьмя охранниками из частного агентства. Выходя к ним, он подумал, что вся эта «бутафория» нужна только для того, чтобы производить впечатление на его особо доверчивых клиентов. На самом деле, никакая охрана не может спасти человека от меткого выстрела снайпера. Но на неискушенную публику мощные автомобили и охранники производят ошеломляющий эффект.

Святослав Олегович Петровский, руководитель частного агентства «Миллениум», сел в автомобиль и отправился на работу. Его супруга и дети жили в Англии, куда он их отослал еще два года назад.

Едва машины выехали со двора, как зазвонил мобильный телефон.

– Доброе утро, Святослав Олегович, – начала ежедневный традиционный доклад его секретарь. Шеф не любит терять время на выслушивание своих же планов уже в офисе, поэтому по договоренности помощник звонил ей, когда они только выезжали с дачи, а она, рассчитав время, набирала номер патрона точно в тот самый момент, когда автомобили начинали путь в город.

– Доброе, – недовольно буркнул он. – Так что у нас там сегодня?

– Утром вы просили напомнить вам насчет Омска, чтобы позвонить губернатору. Днем – ленч с итальянским послом. Вечером, в пять, вы встречаетесь с вице-премьером правительства...

– Что еще?

– Вы хотели позвонить Виктории, – сказала секретарь.

– Правильно. – Он поморщился. Действительно, нужно позвонить. Но не хочется. С другой стороны, эта дамочка еще может понадобится. Она определенно обладает большими способностями. – Напомнишь мне перед свиданием с послом, – со злостью проговорил Святослав Олегович, – только не забудь. Она обещала кого-то прислать. И не говори мне больше «ленч». Неужели нельзя сказать нормально, по-русски: «У вас сегодня обед с послом»? Поняла?

– Да, – ледяным голосом отозвалась она. – Я все поняла.

– Паша звонил? – спросил он на всякий случай, хотя прекрасно знал, что Бубенцов будет связываться с ним напрямую. Но обижать секретаря не хотелось. Петровский высоко ценил ее деловые качества.

Инне Фоменко было тридцать лет, и она уже четыре года работала в его агентстве. Знала английский и французский, была исполнительна, точна и аккуратна, а главное – ей можно было доверять даже такие личные тайны, о которых обычно секретарям не говорят. Верный своим принципам, Святослав Олегович брал на работу людей только после тщательной проверки. И потом, в течение года, время от времени еще проверял, чтобы убедиться в абсолютной лояльности сотрудников.

Инна Фоменко была надежным человеком. Разведена, одна воспитывает десятилетнего сына. Петровский знал, что она всецело зависит от той зарплаты, которую получает в его агентстве. А для женщины, даже со знанием двух языков, но не обладающей эффектными внешними данными, устроиться на работу в качестве личного секретаря директора самого крупного аналитического агентства в стране с зарплатой в тысячу долларов практически невозможно. Нет, теперь, конечно, много молодых женщин, получающих куда большие деньги, но им, как правило, приходится отрабатывать расположение своих хозяев собственным телом, «компенсируя» таким образом их немалые затраты.

Петровский многое знал о своем секретаре. Знал, что у нее больная мать, проживающая в подмосковном поселке. Знал, что иногда к ним домой заходит сосед, бывший прапорщик, ныне успешно владеющий небольшой аптекой, в которой больше половины всех продаваемых лекарств были самодельными и фальшивыми. От них, разумеется, никто не умирал, но они также и не помогали старушкам и старикам, которые охотно покупали у бывшего прапорщика снадобья по более низким ценам, чем в дорогих аптеках, и не подозревали в этом никакого подвоха.

Новоявленный провизор имел семью и трех мордастых дочек, похожих на него как капли воды, но ему хотелось чего-то еще и «для души». Именно так он выразился, когда впервые пришел к соседке с самогонкой в красивой бутылке из-под виски. Тогда Инна его выгнала. Выгнала и во второй раз. Но когда он явился опять, а сын ее в это время был в школе, разрешила ему остаться. Хотя потом с отвращением мылась под душем, словно в чем-то сильно испачкалась. Прапорщик стал приходить еще и еще. Она прогоняла его и снова принимала, каждый раз моясь под душем все с большим отвращением и не желая признаться самой себе, что ей все же нравятся его грубые объятия, пахнущие потом подмышки и жесткая щетина усов. Конечно же, ей хотелось иметь рядом мужчину, хотя бы на время и хотя бы такого, на которого в иной ситуации и не посмотрела бы.

Петровский все это знал. Но никогда не говорил с Инной о ее личной жизни.

Взглянув на часы, он нахмурился. Паша уже должен бы позвонить из Курска. Он выехал туда, чтобы на месте обеспечить прохождение нужного кандидата в депутаты Государственной думы. Агентство Петровского было известно всей стране не только своей аналитической деятельностью, а скорее практическими достижениями по выдвижению нужных кандидатов и гарантированному их избранию, которых оно всегда добивалось. Вот и теперь нужно было помочь местному курскому бизнесмену Сергею Качанову стать законодателем.

Бизнесмен имел две судимости и был очень похож на бандита, какими их обычно изображают в кинофильмах и карикатуристы. Бычья шея, выпученные глаза, короткая стрижка, уши, расположенные гораздо ниже бровей, что указывало на несомненную «интеллектуальную одаренность»... Но Петровского не интересовали его антропологические особенности. Приехавший к нему Качанов пообещал заплатить два миллиона долларов за свое гарантированное прохождение в депутаты. И он с удовольствием согласился с ним поработать.

Двести тысяч долларов ушло на подкуп чиновников в аппарате губернатора, чтобы они согласились с кандидатурой Качанова. Еще несколько сот тысяч – на взятки должностным

лицам в Москве. Бизнесмен срочно вступил в правящую партию и вообще стал одним из столпов этой партии в Курской губернии. Оставалось подобрать ему нужного соперника и обеспечить избрание. Одного соперника нашли сразу – придурковатого учителя истории из близлежащего к городу села, этакого чудака из тех, кто в молодости увлекается якобинскими идеями, а потом на всю жизнь остается восторженным поклонником левых взглядов. Его выдвинули местные коммунисты, и Петровский помог им деньгами, чтобы обеспечить нужную рекламную кампанию. Второго соперника нашли по тому же принципу – журналиста местной газеты, выходящей тиражом в тысячу экземпляров. Газета почти не раскупалась, а журналиста не уважали даже в собственной семье. Его супруга достаточно часто и громко рассказывала, как неудачно вышла замуж за человека, не способного обеспечить семью мало-мальски приличным доходом. Сама она работала парикмахершей и была на хорошем счету у местных жителей.

Журналист слыл, конечно, демократом, всегда голосовал за демократические партии. Но поскольку жители Курска и области с большим удовольствием отдавали свои голоса за коммунистов, у него не было никаких шансов быть избранным в отличие от сельского учителя. И хотя Петровский был уверен, что полностью контролирует ход предстоящих выборов, он решил на всякий случай подстраховаться, вовремя подсказать избирательной комиссии, что несчастный учитель в описи своего имущества не указал принадлежащего ему покосившегося сарая рядом с домом. Дело, разумеется, передали в суд, который и снял опасного соперника с выборов. Несмотря на грозные жалобы коммунистов, судья, получивший двадцать тысяч долларов, согласился с доводами избиркома.

Теперь можно было прогнозировать абсолютную победу Качанова уже в первом туре. Демократический журналист, даже без помощи Петровского, наверняка бы ему проиграл. Пристрастия местных жителей были всем известны. В первую очередь они голосовали за коммунистов, а в отсутствие таковых – за представителей правящей партии. Качанов и представлял эту партию, которая обещала поднять пенсии старикам, дать работу молодым и прибавить зарплату учителям и врачам. В общем, бизнесмен мог выехать на волне ее популизма, а в сочетании с организационными и финансовыми возможностями Петровского победить с огромным преимуществом. Все предварительные расчеты показывали, что он наберет больше семидесяти процентов голосов, тогда как его соперник не получит и десяти.

Вспомнив о Качанове, Петровский с удовольствием закрыл глаза. Он справедливо считал выдвижение бизнесмена своей личной удачей. Из двух миллионов долларов они уже потратили почти треть, и он справедливо полагал, что оставшиеся деньги должны быть их бонусом за хорошую работу. До выборов оставалось два дня, и Святослав Олегович командировал в Курск одного из сотрудников, Павла Бубенцова, чтобы тот проконтролировал на месте ход дела.

Зато в Омске и Башкирии, где агентство «Миллениум» опекало других кандидатов, все шло не так гладко. В Омске они проталкивали кандидата от правой партии, который пользовался поддержкой известного банка. Банк готов был заплатить за него три миллиона долларов. Но, во-первых, не давал в качестве аванса больше пятисот тысяч, а во-вторых, руководители банка, входящие в финансовую корпорацию «Финойл», давно конфликтовали с губернатором Омска, который был креатурой другой финансовой группы, и это могло сказаться на выборах. Губернатор выдвинул своего ставленника – представителя правящей партии, работающего директором крупного комбината. Если учесть, что большинство избирателей, проживающих в трех поселках, трудились на этом комбинате, то шаг губернатора следовало считать достаточно продуманным. Кроме этих двоих, в кандидаты были выдвинуты еще несколько человек. В Башкирии же все было с точностью наоборот. Там выдвигался известный артист, на кандидатуре которого настаивали коммунисты. Петровский никогда не стал бы бесплатно поддерживать этого человека, но с такой просьбой к нему обратились представители крупнейшей финансовой компании России. Дело в том, что артист имел шансы стать не только депутатом Государственной думы, но и членом Совета Федерации от Башкирии, а это беспокоило очень

влиятельных людей, в том числе и в правительстве. Было решено, что он должен пройти в Государственную думу и не претендовать на верхнюю палату. И Петровскому заплатили за это достаточно крупную сумму.

Кроме выдвижения и поддержки перечисленных депутатов, в данный момент агентство занималось еще и выборами нового губернатора в одном из сибирских округов. После внезапной смерти прежнего главы округа там назначили новые выборы, которые должны были состояться через два месяца. Руководитель «Миллениума» точно знал, что в борьбе за это место столкнутся представители двух самых влиятельных финансовых группировок страны, и теперь терпеливо ждал, когда к нему обратятся за помощью.

Когда раздался телефонный звонок, он, взяв мобильный телефон, посмотрел номер. Наконец-то Паша из Курска. Заранее улыбнувшись хорошей новости, Петровский включил аппарат.

– Как дела, Паша? – радостно поинтересовался он.

И услышал в ответ глухой голос Бубенцова:

– Очень плохо, Святослав Олегович.

Только этого не хватало! Огромные деньги могли запросто уплыть из его кармана.

– Что случилось? – рявкнул Петровский.

Водитель и помощник испуганно оглянулись на него.

– У нас ЧП, Святослав Олегович. – По всему чувствовалось, что Бубенцов испуган и расстроен.

– Говори, что у вас там происходит! – закричал Петровский. – Неужели у Качанова нашли еще одну неучтенную судимость? Что с ним?

– С ним все в порядке. Но наш журналист... Сегодня ночью он поехал к сестре в деревню за молоком...

– Ну и что? Пусть сидит там хоть до выборов. Пусть хоть в Африку ездит за носорогами. Выборы считаются состоявшимися, если придут хотя бы двадцать пять процентов избирателей. Сам журналист нам больше не нужен. Может находиться где хочет...

– Вы не поняли, – довольно невежливо перебил его Паша, и от этого стало еще страшнее, – он не доехал до деревни. Машина, в которой они ехали, столкнулась с рейсовым автобусом...

Для такого опытного человека, как Петровский, достаточно было одной этой фразы. У него больно закололо в левом боку. Час от часу не легче. Чтобы гарантировать победу Качанова, они убрали всех кандидатов, даже этого придурковатого учителя. У него остался только один соперник – этот журналист, который должен был триумфально проиграть. Но если он погиб, бизнесмен не может участвовать в выборах единственной, безальтернативной кандидатуры. Тогда все их старания окажутся напрасными. По закону Качанова снимут с выборов, затем назначат для них другую дату, и начнется новое выдвижение кандидатов.

– Господи ты боже мой! – тяжело вздохнув, прорычал Петровский. – Он погиб?

– Еще нет. Но он сидел рядом с водителем в старом «Москвиче». Автобус смял их в лепешку. Водитель погиб, а нашего журналиста отвезли в реанимацию. Я только сейчас говорил с врачами. У него снесено полчерепа, никаких шансов выжить. Но сердце пока еще бьется.

– Дуй в больницу! – закричал потерявший всякое терпение Святослав Олегович. – Быстро в реанимацию! Заплати врачам, пусть подключат этого придурка к аппаратуре, пусть сохранят его еще два дня. Только два дня. Меня не интересует его голова. Пока бьется сердце, он считается живым, и его не вычеркнут из избирательных бюллетеней. Ты меня понимаешь?

– Уже еду.

– Хорошо. Теперь слушай дальше. Если понадобится пересадка сердца, значит, ты организуешь ему эту пересадку. Потребуется пересадить голову – пересади голову.

– Чью голову? – испугался Паша.

– Свою! – заорал Петровский. – Если нужна кровь, сдай свою кровь. В общем, делай что хочешь, но только бы он жил. Еще два дня. Всего два дня. Спасай его так, словно он твой родной отец.

– Я все понял, – прокричал Паша. Очевидно, он уже бежал к автомобилю.

– Звони мне каждые полчаса. – Петровский почувствовал, что задыхается.

В сорок пять лет у него уже была небольшая одышка – сказывалась напряженная работа последних пятнадцати лет. И вообще он всю жизнь пытался прыгнуть выше своей головы. Сорок лет ничего не получалось. Он помнил все свои унижения, свое нищенское существование, согласие работать за гроши на известных журналистов и политических деятелей. Святослав Олегович огромным трудом завоевывал себе репутацию и выстраивал собственное благополучие. И вдруг из-за кретина, который решил отправиться в деревню за молоком, чтобы сэкономить несколько рублей, теперь он может потерять целый миллион долларов. Нет, даже гораздо больше, чем эти деньги. Репутацию. Петровский слишком хорошо знал, почему Качанов так рвется в депутаты.

Дрожащей от нетерпения рукой он набрал номер Бубенцова.

– Ты где, Паша? – спросил, едва услышав знакомый голос.

– Едем в больницу, – ответил тот.

– Я тебя прошу, Паша, – Святослав Олегович чудовищным усилием воли взял себя в руки, – ты должен что-нибудь придумать. Если Качанов останется один, его вычеркнут из избирательных бюллетеней и он не сможет в воскресенье стать депутатом.

– Не волнуйтесь, Святослав Олегович, – попытался успокоить его Бубенцов. – У нас все схвачено. Если даже сейчас не пройдет, снова его выдвинем и все равно выберем. Через два месяца. Мы такую работу провели...

– Идиот! – закричал Петровский. – Какие два месяца? На него возбуждено уголовное дело в республиканской прокуратуре. Если он сейчас не пройдет в депутаты и не получит депутатского иммунитета, его привлекут к уголовной ответственности и арестуют. Тогда мы потеряем все наши деньги. Поэтому он нам и платит два миллиона. Нельзя оставлять его на следующие выборы, ты меня понимаешь?

– Понимаю, – раздался виноватый голос Бубенцова. – Я все сделаю. Вы не волнуйтесь.

– Ты мне еще посоветуй валидол пить, – со злостью парировал Петровский, глянув на притихших водителя и охранника. Не нужно при них говорить о том, сколько платит Качанов, им это знать необязательно. Кажется, он нервничает и начинает допускать ошибки. Святослав Олегович опять тяжело вздохнул и принял решение: – В общем, так – вижу, от тебя пользы как от козла молока. Сегодня вечером я сам прилечу в Курск. Как только приедешь в больницу, сразу мне позвони. Или он уже умер?

– Сейчас говорил по второму телефону с врачами, – ответил Паша. – Он еще жив. Честное слово, жив.

– Давай быстрее! Раздай деньги кому надо, привези туда лучших специалистов. Я на тебя рассчитываю, Паша. Как фамилия этого идиота?

– Врача?

– Журналиста.

– Нечипоренко. Василий Нечипоренко.

– В какой он больнице?

– В больнице «Скорой помощи».

– Если умрет, не знаю, что я с тобой сделаю. Можешь тогда перейти границу и попросить политического убежища на Украине. Или оставайся в Курске, – прорычал Петровский.

Не успел он договорить, как его аппарат вновь зазвонил. На второй линии к нему пыталась пробиться Инна. Святослав Олегович переключился на вторую линию.

– Звонили от вице-премьера, – сообщила секретарь. – Он перенес встречу с вами на восемь вечера. Я сказала, что вы согласны.

– Дура! – закричал он, потеряв терпение. – Позвони и отмени нашу встречу. Скажи, что я не смогу с ним встретиться...

– Но вы сами говорили мне вчера, что в любое время...

– Вчера я много чего говорил. Отменяй встречу, к чертовой бабушке. Скажи, что у меня нашли заразную болезнь. Дифтерию или сифилис. Не знаю, придумай что хочешь. Но встречу отмени. И закажи мне срочно билеты в Курск. Узнай, когда туда летают самолеты. Хотя нет, лучше закажи нам самолет. Частный рейс. Сегодня на пять часов в Курск. Ты все поняла?

– Конечно.

– И еще найди мне телефон заместителя министра здравоохранения. Кажется, Власов его фамилия. Мы помогли его дочке взять премию на конкурсе Чайковского. Позвони и скажи, что я хочу с ним поговорить.

– Сейчас сделаю. Вас сразу соединить?

– Немедленно. – Он убрал аппарат. – И давай быстрее! – рявкнул водителю. – Плеться, как кобыла. Будто у тебя не «Мерседес», а ржавое ведро.

Водитель хотел объяснить, что большая пробка впереди – не его вина, но, глянув на помощника, который сделал ему предостерегающий жест пальцем, промолчал. Все знали, что хозяина, когда он в таком состоянии, лучше не нервировать.

День первый

К офису они подъехали спустя двадцать минут. К этому времени Инна наконец-то нашла заместителя министра здравоохранения, который сидел на совещании. Настойчивая Инна сумела выбить из секретаря Власова номер его мобильного телефона и соединила чиновника со своим патроном.

– Андрей Николаевич, здравствуйте, – нервно произнес Петровский, глядя на часы, – извините, что отвлекаю вас, но очень важное дело.

– Добрый день, – недовольным голосом откликнулся Власов. Ему было неприятно слышать Петровского и вообще с ним общаться. В прошлом году любящему отцу пришлось заплатить сто тридцать тысяч долларов, чтобы гарантировать дочке призовое место на конкурсе Чайковского. А позже стало жаль потерянных денег. Все педагоги и участники конкурса прекрасно понимали, что девочка явно не тянет на призовое место и ее утешительная премия – всего лишь заслуга отца музыкантши.

– Что вам нужно? – сухо поинтересовался Андрей Николаевич.

– У нас большая проблема в Курске, – быстро объяснил Петровский, – в автомобильную катастрофу попал известный тамошний журналист Василий Нечипоренко. В очень тяжелом состоянии он сейчас находится в больнице «Скорой помощи». Вы не могли бы проконтролировать, все ли для него нормально организовано? Дело в том, что он выдвинут кандидатом в депутаты Государственной думы.

– В Курске работают опытные специалисты, – строго проговорил Власов. – И я не совсем понимаю, почему вы обращаетесь ко мне.

– Мы хотим, чтобы журналиста оперировали лучшие врачи города, – попросил Святослав Олегович. – Вы ведь знаете, кто там лучший. Пошлите туда людей, позвоните им...

– Не понимаю, почему я должен это делать...

– А мы готовы прислать «посылку», чтобы компенсировать ваши труды, – быстро добавил Петровский. Он помнил, что передачу денег в их агентство Власов сам называл «посылкой».

Заместитель министра все понял.

– Тяжелая посылка? – поинтересовался он.

– Килограммов пять, – ответил Петровский. И с возмущением подумал: «Он еще торгуется. Право же, у людей не осталось ничего святого. Где его клятва Гиппократ?»

– Десять, – уверенно произнес Власов, – и я возьму дело под личный контроль.

– Наверное, я ошибся, – согласился Петровский, – конечно, десять. Сейчас мы вам пошлем. Только вы позвоните сразу.

– Хорошо, но я буду ждать вашу посылку. До свидания.

– У людей не осталось ничего святого, – вслух пробормотал Святослав Олегович, выскатывая из салона автомобиля.

В приемной Инна поднялась при его появлении. Кроме нее, здесь сидела еще какая-то молодая особа. Высокого роста, в джинсовой мини-юбке и вязаной кофте, туго обтягивающей грудь. С одного взгляда он оценил и внешние данные молодой женщины, и выражение ее лица.

– Кто такая? – спросил Петровский.

– Прислала Виктория, – пояснила Инна. Она знала, зачем Виктория посылает таких молодых девочек ее шефу. Нет, лично ему они не были нужны. Он вообще мало интересовался женщинами, сохраняя относительную верность своей супруге. Вот если бы ему заплатили приличную сумму за измену, он наверняка изменил бы своей жене, но никто не предлагал подобных сделок. Такие девицы Петровскому были нужны для работы.

– Как тебя зовут? – спросил Святослав Олегович у посетительницы.

– Илона, – ответила та, чуть облизнув губы.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Москвичка?

– Я из Подмосковья...

– Все понятно. Прописки нет и не предвидится. Жилья тоже нет, что-то снимаешь. Виктория тебя иногда использует. На самом деле тебе уже двадцать и зовут не Илоной. Все правильно?

– Да, – растерянно признала девушка. – Это Виктория придумала мне новое имя...

– Понятно. Это в ее вкусе – Илона, Элиза, Элеонора, Валерия. Нужны запоминающиеся красивые имена. Так какое у тебя настоящее имя?

– Надя.

– Вот и хорошо. Присядь в уголочке и подожди. Я тебя потом позову. Инна, соедини меня срочно с Пашей и вызови Юлая Абуталиповича.

– Сейчас все сделаю, – кивнула секретарь.

Петровский вошел в кабинет и устало рухнул в кресло. Все было так здорово продумано, и вдруг эта нелепая авария. В любом другом случае кандидату можно было бы объяснить, что произошел несчастный случай и что он наверняка победит на следующих выборах, которые состоятся через два месяца. Тогда ему найдут двух ничтожных соперников, чтобы подстраховаться. Но Качанова такой вариант не устроит. Он предупреждал, что должен обязательно победить именно в это воскресенье, чтобы пройти в депутаты Государственной думы, иначе прокуратура раскрутит его уголовное дело на полную катушку всего за неделю или две.

– Паша на проводе, – сообщила Инна. Петровский поднял трубку и услышал взволнованный голос помощника:

– Он пока жив, но врачи говорят, что через несколько часов умрет. У него уже не работает мозг, хотя сердце пока еще бьется.

– Это у тебя не работает мозг, – пробормотал Святослав Олегович. – Сиди в больнице и следи, чтобы они подключили к нему всю нужную аппаратуру. Договорись с врачами. Никто не должен ничего знать, даже если он умрет. Ты все понял?

– Мы здесь втроем, – успокоил его Паша. – Приходил один журналист из его газеты, но мы его прогнали.

– Не переусердствуй, – предупредил Петровский.

Дверь открылась, и в кабинет вошел его заместитель Юлай Абуталипович, человек с характерными раскосыми башкирскими глазами. Заместитель отвечал за финансовое благополучие компании. Святослав Олегович и Юлай Абуталипович были знакомы много лет, еще с первых кооперативов, которые открывали в конце восьмидесятых.

– У нас проблемы, – начал Петровский, – в Курске Нечипоренко попал в аварию. Поехал за молоком в деревню и столкнулся с автобусом. Звонил Паша, говорит, что журналист не выживет. А придурка учителя мы уже убрали из избирательных бюллетеней.

– Плохо, – сразу понял ситуацию заместитель, – мы гарантировали Качанову, что он станет депутатом. Нужно ему позвонить и узнать, нельзя ли перенести выборы на два месяца. На всякий случай, если этот журналист умрет.

– Нельзя, – поморщился Петровский, – он меня предупреждал. Найди какой-нибудь ящик и положи туда десять тысяч долларов. Пошли этой гниде Власову, он обещал проконтролировать лечение Нечипоренко.

– Сейчас пошлю, – кивнул Юлай. – Но ты все равно позвони Качанову. На всякий случай.

– Как у нас в Башкирии и Омске? – поинтересовался Петровский.

– В Башкирии все хорошо, – улыбнулся его заместитель, – там у меня все схвачено. В Омске проблемы с губернатором, думаю, нам нужно завтра туда полететь.

– Я сегодня вечером лечу в Курск, – сообщил Святослав Олегович.

– Это правильно, – согласился Юлай Абуталипович, поднимаясь со стула.

В этот момент зазвонил телефон – на сей раз правительственный. Петровский поднял трубку и, услышав голос говорившего, сделал знак рукой своему заместителю, чтобы тот не уходил из кабинета.

– Еще раз здравствуйте, Святослав Олегович, – раздался холодный голос Власова. Он не скрывал своих антипатий, и было件нятно, что не собирается долго разговаривать.

– Мы уже отправили вам «посылку», – быстро проговорил собеседник.

– Ваша «посылка» уже не нужна. Я говорил с главным врачом больницы. У этого журналиста нет ни одного шанса. Его подключили к аппарату искусственного дыхания, но сердце долго не выдержит. Час, от силы два. Извините, врачи ничего не смогут сделать. Так что, думаю, вам лучше отозвать вашу «посылку». До свидания. – И он положил трубку.

Петровский остался сидеть с растерянным выражением лица. Юлай Абуталипович понял, что произошло нечто ужасное.

– Умер? – спросил он тихо шефа.

– Почти, – прошептал Святослав Олегович, наконец опуская трубку. – Сказал, что умрет через час. Или два. Врачи считают, что нет никаких шансов. Ни одного.

– Позвони Качанову, – снова предложил Юлай, возвращаясь на свое место. У него был идеально круглый череп с редкими волосами. Когда Юлай нервничал, его руки непроизвольно поправляли очки на носу. Вот и сейчас он все время их трогал.

Петровский знал об этой его характерной особенности.

Посмотрев на заместителя, он придвинул к себе записную книжку, нашел номер мобильного телефона Качанова, набрал его.

– Слушаю, – раздался резкий голос бизнесмена.

– Добрый день, Сергей Викторович, – преувеличенно любезно начал Петровский, хотя Качанов был моложе его лет на десять. – Как у вас дела? Где вы сейчас находитесь?

– В Москве, – услышал он в ответ, – но вечером возвращаюсь в Курск. Уже приготовили шампанское, чтобы в воскресенье отметить нашу победу. Ребята говорят, что за Нечипоренко никто не станет голосовать. Он даже десяти процентов не наберет.

– Конечно, – согласился Петровский, вновь посмотрев на своего заместителя. Тот кивнул головой, подсказывая, что нужно начать неприятный разговор. – Как у вас с прокуратурой? – осторожно поинтересовался Святослав Олегович. – Они еще не успокоились?

– Куда там! Наоборот, провели обыски на моих складах в Москве и Ростове. Следовательно так прямо и сказал, что через несколько дней выпишет ордер на мой арест. Я не стал ему возражать. Пусть поперхнется, когда узнает, что меня выбрали в Государственную думу.

– Вы думаете, его угрозы серьезны?

– У них на меня полно всякого материала. И еще одна гнида нашлась из моих бывших компаньонов, решил дать показания в прокуратуре. Ну ничего. Я ему эти показания в глотку вобью...

– Сергей Викторович, – укоризненно произнес Петровский, – разве можно так говорить по телефону? Не стоит нервничать. Я думаю, все будет в порядке. У нас, правда, возникли небольшие проблемы...

– Какие еще проблемы? – не понял Качанов.

– Несущественные. Надеюсь, они не повлияют на выборы. Дело в том, что ваш соперник Василий Нечипоренко попал в больницу. Решил поехать за молоком и столкнулся с автобусом.

– Это его проблемы, – рассмеялся Качанов. – Пусть теперь отдохнет. Думаю, никто не скажет, что за рулем автобуса сидел мой человек и нарочно его сбил.

– Нет-нет, конечно, не скажут, – успокоил его Петровский, – там все абсолютно чисто. Это случайная авария. Но дело в том, что мы по вашей просьбе исключили из списка участников другого вашего соперника – учителя истории.

– Правильно сделали, – у Качанова, видимо, было хорошее настроение, – не нужен нам этот чужак на букву «м». Пусть детям мозги пудрит, а не избирателям. Еще не хватало такого придурка в Государственной думе. Да над ним там все смеяться будут.

– Наверное, – вежливо согласился Петровский. – Но у нас есть еще два дня... Сегодня только пятница. Может, нам поговорить с судьей и вернуть его обратно в избирательные списки?

– С каким судьей? – не понял Качанов. – Судья уже получил свой куш и отвалил.

– Сергей Викторович, – снова перебил его Петровский, – не нужно говорить такое по телефону. Я имею в виду, конечно, не судью, который вынес решение. Он не может его отменить. Но мы можем обратиться к председателю областного суда, чтобы он пересмотрел решение судьи. Или к прокурору, который может подать протест.

– Зачем? – Качанов немного насторожился. – Вы ведь говорите, что все нормально.

– У нас некоторые сложности с Нечипоренко, – выдавил наконец Петровский, – он в больнице в тяжелом состоянии.

– Ну и что? Пусть лежит. Он мне не мешает.

– Нечипоренко в очень тяжелом состоянии, – вынужден был сказать Петровский, – врачи считают, что он может не выжить...

До Качанова наконец дошло. Кроме профессиональных юристов, есть еще одна категория людей, хорошо разбирающаяся в сложностях юридической казуистики. Это бывшие уголовники. Они знают законы не хуже правоведа. Помолчав секунд двадцать, бизнесмен спросил:

– Если он умрет, то у меня не будет конкурента на выборах?

– Вот именно, – честно признался Петровский.

– И тогда меня снимут с выборов? – осознал кандидат в депутаты.

– Только формально, – быстро пояснил Святослав Олегович, – только из-за отсутствия соперника. А потом мы снова выдвинем вас, и вы гарантированно...

– Послушай меня, сука, – вдруг разозлился Качанов. – Я согласился на два миллиона долларов, чтобы уйти от прокуратуры. А ты меня подставить хочешь? Не нужно было такие деньги брать... Или тебе кто-то больше дал?

«Типичное уголовное мышление», – подумал Петровский, но, сдержавшись, вслух произнес совсем другие слова:

– Вы же сами настояли, чтобы мы убрали учителя истории.

– Ну и правильно настоял. В Курске все за коммуняк голосуют, будто вы не знали. Ты мне мозги не пудри. Если я в воскресенье не пройду, то в понедельник следователь на меня ордер выпишет. И я с тобой из тюремной камеры говорить буду.

– У нас есть варианты, – вставил Петровский.

– Какие еще варианты? – Качанов выругался.

– Мы можем подать протест на решение суда и вернуть учителя истории в качестве кандидата. Можем организовать ваш отъезд за рубеж в командировку, а потом провести выборы. Вы ведь можете уехать на два месяца в командировку?..

– Ты мне зубы не заговаривай! – закричал бизнесмен, потеряв всякое терпение. – Или ты ничего не понимаешь, твою мать? Мне не нужна твоя Дума, мне нужен депутатский иммунитет. Я должен был победить в это воскресенье. Куда я убегу? Возьму все склады, все мое барахло? Мне понадобится грузовой состав, чтобы это вывезти. Да куда бы я ни убежал, меня сразу выдадут. У меня две судимости, а на носу еще новое расследование. Ах ты сволочь, значит, ты меня обманул?!

– Успокойтесь, – строго посоветовал Петровский, – не нужно так нервничать. И еще я не люблю, когда вспоминают мою маму. Не дергайтесь. Мы что-нибудь придумаем...

– Думай, – согласился Качанов, – но учти: если в воскресенье я не стану депутатом, то в понедельник можешь заказать себе гроб. Мне мои деньги не нужны. Мне нужна депутатская книжка. Вот и весь мой сказ. – Он отключился.

Петровский тоже положил трубку и опять посмотрел на своего заместителя.

– Ты все понял?

– Он угрожает? – усмехнулся Юлай Абуталипович.

– Еще как! Говорит, что могу заказывать себе гроб. В общем, орет и ругается.

– Правильно ругается, – философски заметил заместитель. – За два миллиона мы должны были Нечипоренко на руках носить. И сами молоко ему привозить. И корову подарить.

– Скажи еще что-нибудь обидное, – отмахнулся Петровский, – нашел время шутить.

– Я тебя знаю, – улыбнулся Юлай, – ты у нас светлая голова. Все равно что-нибудь придумаешь. Чем могу помочь?

– Приготовь деньги. Наличными. Тысяч триста или четыреста. Если нужно, купим всю больницу, но чтобы никто не узнал о смерти Нечипоренко. В общем, придумаю что-нибудь. Когда можешь привезти деньги?

– Через час. – Заместитель снова поднялся.

– Давай быстрее, я тебя жду.

Юлай Абуталипович вышел из кабинета. Петровский устало откинулся на спинку кресла, расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Затем нажал кнопку переговорного устройства.

– Как дела, Инна?

– Я заказала самолет, – сообщила секретарь, – отменила вашу встречу с итальянским послом и вице-премьером. Сказала, что у вас умерла любимая тетька и вы срочно вылетаете.

– Сообщила, куда? – оживился Петровский.

– Да. В Санкт-Петербург. Объяснила, что это ваша любимая тетька.

– Молодец, – усмехнулся Петровский. Упоминание Санкт-Петербурга магически действует на чиновников любого ранга, после того как президентом стал выходец из этого города. Теперь любой родственник в Северной столице может оказаться очень полезным.

– Вас ждет Илона, – напомнила секретарь.

– Пусть войдет, – распорядился Петровский. – Может, она лучше предыдущей дуры? Только называй ее Надей, а не Илоной.

«Предыдущая дура» сбежала с каким-то музыкантом, а через месяц приехала и умоляла взять ее обратно. Петровский ее прогнал и приказал никогда не пускать в офис. Если человек не видит собственной выгоды, он ничего не в состоянии понять в этом мире, был убежден он.

Молодая женщина вошла в кабинет и замерла у двери.

– Ближе, – приказал Святослав Олегович.

Она сделала несколько шагов к его столу.

– Еще ближе, – тоном, не терпящим возражения, повторил он.

Девушка подошла к нему.

– У тебя свои волосы или парик? – спросил он, глядя на ее светлые кудряшки.

– Парик, – призналась она.

– Сними.

Она стащила парик. Настоящие волосы оказались каштанового цвета. Короткая стрижка ей шла гораздо больше. Лицо стало более вытянутым и одухотворенным. Хотя, возможно, это лишь видимость.

– Виктория говорила, что ты не прошла по конкурсу, – вспомнил Петровский.

– Я поступала...

– Неважно, – перебил он ее, – все приезжающие мечтают стать актрисами. Это сразу видно по тебе.

Она стояла, переминаясь с ноги на ногу.

– Раздевайся, – махнул Петровский рукой, – хочу посмотреть, на что ты годишься. Поглядим, какая ты актриса.

Девушка заколебалась. Ему понравилось ее смущение. Значит, еще не совсем испорченная девка. Это очень хорошо.

– Раздеться? – не поверила она услышанному. – Как это – раздеться?

– Снять с себя все, – пояснил Петровский. – Как же ты собиралась быть актрисой, если не можешь раздеться в присутствии постороннего человека? Считаю, что я режиссер.

– А вы действительно режиссер?

– Либо ты сейчас начнешь раздеваться, либо уйдешь отсюда навсегда, – повысил голос Святослав Олегович. – У меня нет времени на разговоры. Считаю до трех. Раз...

Девушка оглянулась по сторонам и молча начала расстегивать юбку. Затем сняла кофту.

Ему не понравились ее колготки, но он оценил, что они были без видимых повреждений. Она вопросительно посмотрела на него.

– Никто не собирается тебя насиловать, – нахмурился он, – раз тебе сказали, значит, нужно раздеваться.

Ее нижнее белье не понравилось ему еще больше. Он чуть поморщился. Разве можно экономить на таких вещах? Через полторы минуты молодая женщина стояла перед ним абсолютно обнаженной, пытаясь прикрыть груди. Он не ошибся. У нее была очень хорошая фигура. Если ее отмыть и научить манерам, можно будет использовать для любой работы.

Петровский встал и подошел к ней. Отвел ее руки, посмотрел на груди. Девушка закрыла глаза. Кажется, она была готова к тому, что он сейчас набросится на нее и начнет насиловать прямо в кабинете.

«Начиталась, как все, дешевых детективов», – с огорчением подумал Святослав Олегович, возвращаясь на свое место.

Надя удивленно открыла глаза, не понимая, что происходит.

– Да, – сказал он в ответ на так и не прозвучавший вопрос, – я никогда не встречаюсь с незнакомыми женщинами. Тем более на работе, в своем кабинете. У тебя такое изумленное лицо, будто ты ждала, что я начну тебя убивать прямо здесь. Старайся держать свои эмоции под контролем. И вообще будь готова к любой ситуации.

Она попятилась от него, обиженно заморгав. Он кивнул.

– Одевайся, все в порядке. Отправляйся в магазин и купи себе приличное нижнее белье. Я скажу, чтобы тебе дали деньги.

– Я его в магазине покупала у Киевского вокзала, – обиделась Надя, – говорили, что французское. Триста рублей заплатила.

– Настоящее французское белье стоит от трехсот долларов до тысячи, – поучительно проговорил Петровский, – а тебе продали китайский или турецкий ширпотреб. Купи хорошую одежду, лучше всего джинсы или брюки. И никогда не носи парики, не мажь лицо разной гадостью, иначе у тебя будет аллергия. Сегодня я улетаю в Курск, а завтра вернусь, и мы поговорим. И еще одно важное условие. Не смей встречаться ни с кем без моего разрешения. Квартиру мы тебе найдем. Будешь получать для начала долларов... пятьсот. Надеюсь, тебе хватит. Квартиру оплачивать будем мы. И еще тебе нужно учиться. Выглядишь как дешевка. Родители живы?

– Мама жива.

– Откуда ты приехала? Только не ври, я все равно проверю.

– Из Липецка. – Девушка быстро одевалась.

– Давно?

– Полгода назад.

– Заразу никакую не успела подцепить?

– Какую заразу? – Она не поняла, и это тоже было хорошим сигналом.

– Грипп какой-нибудь, – пошутил он, – или ангину. Учти, ты поступаешь на работу в солидную организацию. Один раз увижу, как ты кому-то строишь глазки или решила таким образом поправить свое материальное положение, сразу вылетишь с работы. Без разговоров. И вообще из Москвы уберешься.

– Не понимаю, что я должна делать...

– Это я тебе потом объясню. А сейчас иди в тридцать четвертый кабинет, там тебе дадут деньги и скажут, куда ехать.

Она кивнула и вышла.

– Инна, – позвонил Святослав Олегович секретарю, – скажи, чтобы эту девочку одели и привели в порядок. Косметика, парикмахерская, макияж. Пусть найдут ей приличное белье, хорошие колготки. Ты меня поняла? – И, положив трубку, тяжело вздохнул. Странно, что он никак не отреагировал на красивую молодую женщину, стоявшую перед ним обнаженной. А у нее такая отличная фигура! И небольшие груди, как раз помещающиеся в ладонях. Раньше он любил именно такой тип женщин. Но это было давно. Тогда он хотя бы чувствовал некоторое волнение при виде красивого тела. А сейчас ощущал себя врачом, которого ничем нельзя смутить. «Уже сорок пять, – подумал Петровский, – чего мне выпендриваться? С женой у меня все в порядке. А другие женщины меня всегда мало интересовали. Или не интересовали вообще». Действительно, по-настоящему он чувствовал себя удовлетворенным, когда его агентство проводило очередную успешную пиар-кампанию. Даже деньги и гонорары, получаемые за работу, его волновали не так, как сама возможность проявить себя в очередной раз, доказав всем, что он лучший специалист в этой области. Петровский был трудоголиком и самое большое удовольствие получал от своей работы.

«Нужно завести какую-нибудь любовницу, – неожиданно подумал он, – я становлюсь слишком равнодушным. Так недолго и в импотента превратиться».

– Инна, зайди ко мне, – позвал он секретаршу.

Она вошла в кабинет.

– Как ты думаешь, – неожиданно спросил Святослав Олегович, – я еще могу нравиться молодым женщинам?

– Вас интересует конкретно мое мнение или вообще? – уточнила она, не улыбнувшись.

– И то, и другое.

– Мне вы нравитесь. А вообще не знаю. Если вы имеете в виду девицу, которая сейчас вышла...

– Спасибо, можешь идти, – отмахнулся Петровский. Когда она ушла, он прошел во вторую комнату, находящуюся за кабинетом, встал перед зеркалом и внимательно посмотрел на себя. Мужчина средних лет с отеками лица, намечающимся вторым подбородком. Хорошо, что волосы еще в порядке, хотя уже начинают образовываться залысины. И зубы хорошие. Он улыбнулся своему отражению. И для такого тела хотят заказать «фоб»? Этот дурачок Качанов считает, что может ему угрожать. Наверное, даже не предполагает, что ничего не сможет сделать. Петровскому достаточно поднять трубку – и к вечеру Качанов уже будет разговаривать с чертями на том свете. Эта «операция» стоит совсем недорого. Однако такое решение проблемы слишком непрофессионально. Репутация дороже. Если просочится слух, что его клиент, заплативший два миллиона, не только не прошел в депутаты, но и случайно оказался убитым, в агентство «Миллениум» больше никто не обратится. Тогда можно потерять гораздо более крупные деньги, а главное – репутацию успешного профессионала, нажитую очень нелегким трудом.

Воспоминания

В конце восьмидесятых, когда разрешили кооперативы, он еще работал в конструкторском бюро. Они неплохо разбирались в компьютерах и, создав тогда первый кооператив, заработали миллион рублей уже к началу девяностого года. Рынок огромной страны насыщался дешевым ширпотребом: турецким текстилем, польской кожей, тайваньской бытовой техникой, китайскими пуховиками. Кооператив Петровского доставлял компьютеры. Все шло хорошо, вот только деньги обесценивались быстрее, чем они их зарабатывали. Именно в этот момент он и познакомился с Юлаем Абуталиповичем, который переводил деньги на фиктивные счета, обналичивая огромные суммы. К девяносто первому году их кооператив насчитывал уже двадцать восемь человек, а оборот фирмы составлял более десяти миллионов рублей. Первый тревожный звонок грянул в январе девяносто первого, когда премьер Павлов начал проводить свою своеобразную денежную реформу. Нужно было за несколько дней обменять все крупные купюры, имевшиеся в наличии.

По досадной случайности, как раз к началу объявленной реформы, они получили крупную сумму за новую партию компьютеров. Пришлось разделить ее между всеми сотрудниками, привлечь к делу их жен и детей, чтобы не потерять эти деньги. Потом начались многочисленные проверки, и часть заработанного пришлось потратить на ревизоров и сотрудников банков, дотошно старающихся их в чем-то уличить. А в середине девяносто первого, когда начался всеобщий неуправляемый бардак, они потеряли сразу две партии компьютеров. Первую разграбили в товарном вагоне, проходящем через Харьков, а вторую украли в суматохе, царившей в аэропорту Новосибирска. Два таких удара подряд стоили слишком дорого небольшому кооперативу. В конце девяносто первого на счету у них оказалось всего около двух миллионов рублей. Хорошо еще, что по настоянию Юлая Абуталиповича успели расплатиться со всеми долгами. А затем наступил январь девяносто второго, когда все цены взлетели до немыслимых высот. Повсюду в городах стояли толпы людей, торгующих всяким ширпотребом. Деньги обесценивались так стремительно, что превращались в ничего не стоящие бумажки.

Два года они еще пытались выжить, придумывали всевозможные оплаты в рассрочку, поставляли качественные компьютеры из Европы, искали новые формы сбыта. Но ничего не помогало. Маленький кооператив без поддержки государственных чиновников был обречен. Уже позже Петровский понял свою главную ошибку. Он работал по обычной схеме, принятой в других странах, рассчитывая получать минимальную прибыль за свой товар. А нужно было найти поддержку в лице государственных чиновников, которые могли гарантировать любые прибыли. Достаточно было оформить крупный заказ на поставку компьютеров в любое министерство или на крупное предприятие. Никого не интересовало, что компьютеры были устаревшими и не годились для работы. Зато можно было получить настоящие деньги, а модная техника списывалась в утиль. Масштабы грабежа собственной страны не поддавались никакому учету, но Петровский все еще пытался играть по каким-то правилам.

Эти два года многому его научили. Позже он узнал, что ушедший из его кооператива бухгалтер Яша Слаповский сумел заработать за этот период более двухсот миллионов долларов. Яша не был финансовым гением и тем более изобретателем новых технологий. Он нашел необходимые знакомства в Министерстве внешнеэкономических связей и регулярно получал лицензии на вывоз нефти и газа из страны. При невероятной разнице между внутренними и внешними ценами любое разрешение подобного рода автоматически делало человека миллионером. Почти все высшие чиновники министерства, работавшие в тот период, стали успешными финансистами, суммы взяток зашкаливали за миллионы долларов.

К девяносто третьему году стало ясно, что кооператив разваливается. Нужно было уходить в структуры, близкие к государственным предприятиям. Воровать по-крупному и делать

настоящее состояние можно было только из денег государственного бюджета. К этому времени один знакомый Петровского, подрабатывающий частным автомобильным извозом, стал миллиардером за счет близости к московской мэрии и размещения в ее банке счетов государственных предприятий и министерств. Другой знакомый, занимавшийся мелкой фарцовкой и спекуляцией, стал еще более богатым человеком благодаря махинациям с целым рядом государственных предприятий, которые были переданы в его распоряжение одним росчерком пера. Петровский знал, что некоторые подобные решения подписывались в ресторанах, во время деловых встреч или в саунах, где велись приватные беседы. Президент, ничего не смыслящий в экономике, поручил ее реформировать группе молодых проходимцев. Они взялись за дело с энергией, свойственной людям, совершенно не знакомым с существом дела. Среди них были откровенные циники, которые нагло и беззастенчиво грабили собственный народ, обманывая не только главу государства, но и собственное окружение. Правда, были и другие, искренне верящие, что все трудные экономические вопросы можно решить за несколько месяцев, одним указом освободив все цены. Однако и первые, и вторые, как правило, не забывали набивать собственные карманы, считая это нормальным в процессе гигантской распродажи страны, какой еще никогда не было в истории мировой цивилизации. В результате противостояние президентских структур и Верховного Совета достигло своего пика к осени девяносто третьего и вылилось в ожесточенное противоборство.

После расстрела парламента, показательно демонстрировавшегося по телевизору, уже ничто не могло остановить новый курс. К этому времени основные игроки на рынке уже разделили все национальные богатства огромной страны и начали ожесточенную борьбу за новые сферы влияния.

К началу девяносто четвертого года стало ясно, что кооператив нужно закрывать. Насыщенность рынка компьютерами была очевидной для любого беспристрастного аналитика. Петровский впервые задумался, как ему существовать дальше. И именно в это время к нему обратился Яша Слаповский, его бывший бухгалтер, ставший весьма состоятельным человеком.

Слаповский хорошо знал аналитические способности своего бывшего патрона. И он предложил ему помочь одному своему знакомому в Псковской области одержать победу на выборах. Гонорар был неслыханный. Слаповский предложил триста тысяч долларов – гораздо больше, чем они могли получить в своей фирме за несколько месяцев работы. Петровский собрал свою команду и выехал в Псков. Выборы должны были состояться через четыре месяца. Человек, за которого платил Слаповский, отставал от основного кандидата на двадцать пять процентов. Было ясно, что они рискуют не получить денег.

Петровский решил проявить всю свою изобретательность. Были отпечатаны сотни листовок, по телевизору начали крутить рекламные ролики их кандидата, старушкам платили деньги, чтобы они распространяли грязные слухи об основных соперниках. Слухи рождались один чудовищнее другого. И наконец Святослав Олегович придумал совершенно уникальное ноу-хау в избирательных технологиях.

Когда невероятными усилиями удалось поднять рейтинг их кандидата так, что разрыв между ним и противником составил всего семь процентов, он предложил следующее. Соперника звали Михаилом Александровичем Шевелевым, и по всему городу висели плакаты с призывом голосовать за Михаила Шевелева. Петровский приказал своим ребятам найти в области другого Михаила Шевелева. После долгих поисков в небольшом городке Изборске, расположенном почти на границе с Эстонией, такой мужчина отыскался – Михаил Алексеевич Шевелев. Он был старше своего однофамильца на двенадцать лет, работал сторожем в магазине и часто напивался до такого состояния, что уходил в глубокий запой на несколько дней. Понадобилась неделя, чтобы привести его в относительный порядок. Ему вставили зубы, купили костюм и зарегистрировали в качестве кандидата в депутаты. Соперники опешили от такой наглости. Никто не ожидал, что в избирательных бюллетенях появятся сразу два Михаила Шewe-

лева. Но формально все выглядело правильно, а избиратель не обязан был знать, что отчество первого несколько отличалось от отчества второго. Теперь реклама Михаила Шевелева заработала сразу на двоих кандидатов. Представители соперника пытались подать в суд, но было уже поздно. В результате выборов второй Шевелев получил восемь процентов голосов и оттянул на себя избирателей настоящего Шевелева. Зато кандидат Петровского получил на полтора процента больше других и стал депутатом. Яша Слаповский лично привез деньги. Триста тысяч долларов в упаковках.

Получив их, Святослав Олегович целый день просидел в своем кабинете, обдумывая судьбоносное решение. И к вечеру понял, что с этого момента его кооператив больше не будет функционировать. Вместо него появилось частное аналитическое агентство «Миллениум», призванное помогать политикам во время избирательных кампаний. Первые деньги были заработаны в Пскове. Но по-настоящему важным для Петровского и его агентства стал девяносто пятый год, когда они приняли участие в выборах мэра Северобайкальска. Именно тогда он окончательно понял, что его призвание – политика. И тогда же прочувствовал все сложности, с которыми ему придется столкнуться. Впервые в судьбе Святослава Олеговича речь шла о его собственной жизни.

* * *

Когда они взлетели, Петровский с раздражением подумал, что за аренду самолета придется заплатить еще тысяч сорок. Ничего, если все пройдет благополучно, они впишут и это в счет нового депутата. Качанов должен понять, что авария не входила в их планы. Хотя, по большому счету, это, конечно, личный прокол самого Святослава Олеговича. Нужно было предусмотрительно оставить в списках кандидатов еще одного «дурачка», чтобы гарантировать прохождение бизнесмена. Но они настолько были уверены в собственных силах, что решили ограничиться одним соперником. Кто же мог предположить, что за два дня до выборов он отправится за молоком в эту проклятую деревню?!

Петровский поморщился. На высоте самолет начало слегка трясти. Появившаяся стюардесса предложила что-нибудь выпить.

– Не нужно, – отмахнулся Святослав Олегович, – когда мы прилетим в Курск?

– Через час, – улыбнулась она.

– И нас все время будет так качать?

– Мы в зоне турбулентности, – пояснила стюардесса.

– Можно поменять коридор, – мрачно посоветовал Петровский, – хотя мне все равно.

Когда будем садиться, скажите мне, я свяжусь с моим помощником. Надеюсь, мне разрешат разговаривать по мобильному телефону?

– Правила безопасности полетов... – начала девушка.

– Они не для нас, – отмахнулся Петровский, – и вообще не мешайте мне. Я нанял частный самолет, чтобы работать в полете, а не кататься на вашем вездеходе.

Рядом с ним находились двое его сотрудников. Они молча переглянулись, понимая настроение шефа. У одного в руках был «дипломат» с деньгами. Святослав Олегович достал телефон и набрал номер Бубенцова.

– Как у вас дела? – спросил он своего помощника.

– Мы едем в аэропорт, – сообщил Паша.

– Я не спрашиваю, куда ты едешь, – разозлился Петровский. – Как здоровье этого придурка?

– Плохо, – виноватым голосом ответил Бубенцов. – Я оставил в больнице моих людей. Они дежурят рядом с реанимацией, но врачи говорят, что он скоро умрет. У него... подождите, сейчас прочту, я записал... У него... «Травмы, не совместимые с жизнедеятельностью».

– Мог бы и запомнить, – огрызнулся шеф. – Каждый раз удивляюсь, почему я тебя терплю.

– Его с трудом достали из автомобиля, – безжалостно добавил Паша. – Врачи считают, что он должен был умереть еще несколько часов назад.

– Это ты должен был мне сообщить в первую очередь, – повысил голос Петровский. – Надеюсь, он не умрет, пока мы не прилетим в Курск. Кто там главный врач больницы?

– Симонов. Игорь Сергеевич Симонов, – отчеканил Бубенцов. – Я собрал на него целое досье. У него дочь в Нижнем Новгороде, живет с мужем и двумя детьми. Она работает в музыкальной школе, муж военный. Еще у него есть младшая дочь, которая живет с ним. Она разведена, у нее один сын...

– Сам Симонов женат?

– Да. Жена тоже врач, но уже на пенсии. Вышла два года назад. Все говорят, что Симонов очень хороший врач, в городе его уважают.

– Теперь я знаю, почему до сих пор тебя не выгнал, – усмехнулся Петровский.

– Что? – не понял Бубенцов.

– Ничего. Хорошо, что собрал все данные. Домашний адрес главного врача у тебя есть?

– Конечно, есть.

– Молодец. В общем, встречай нас минут через сорок.

– Я вам еще хотел сказать... – несмело начал Паша.

– Что еще?

– Качанов выехал из Москвы. Он бросил все свои дела и едет на двух машинах в Курск. Хочет узнать, что случилось с Нечипоренко. Разговаривал со своим предвыборным штабом, предлагает проводить выборы в любом случае и никому не сообщать о смерти Нечипоренко, если тот умрет.

– Идиот, – выругался Петровский. – Впрочем, имея дело с таким типом, нужно быть готовым ко всему. Когда он должен приехать в Курск?

– Часа через три, раньше не успеет, даже если будет гнать машины вовсю.

– Прямо из аэропорта мы едем в гости к твоему Симонову, – решил Петровский. – Что говорят лечащие врачи?

– Они считают, что нужно отключить систему искусственного дыхания. Все равно сердце бьется вхолостую. Ждут, когда дадут согласие родственники.

– Где сейчас его жена?

– В больнице. Она ничего не соображает. Плачет и кричит.

– Когда придет в себя, будет поздно. Найди какую-нибудь сердобольную старушку и пошли за ней. Пусть объяснит жене, что самоубийство – большой грех, чтобы та настаивала на лечении, ни в коем случае не разрешала отключить аппаратуру. Ты меня понимаешь?

– Уже звоню по другому телефону. Найдем их соседку. Мы ей платим деньги уже два месяца. Она ходит домой к Нечипоренко и узнает для нас все новости. Жена Нечипоренко ей доверяет. Такой «божий одуванчик». Сейчас скажу, чтобы организовали машину и привезли ее в больницу.

– Правильно. – Петровский знал про соседку и недовольно подумал, что сам должен был предложить такой вариант. Когда случаются похожие трагедии, потрясенные родственники больше доверяют знакомым людям, хватаясь за любую возможность.

– Действуй. – Он отключился и сразу набрал номер телефона Юлая Абуталиповича, а когда тот ответил, спросил: – Что у нас в Омске?

– Плохо, – признался Юлай. – Губернатор настаивает на личной встрече. Хочет обговорить все условия в случае поражения его кандидата.

– Какой у нас рейтинг?

– Фифти-фифти, никакой гарантии. В последний момент они смогут задействовать своих людей. В городах мы постараемся проконтролировать ситуацию, но в селах и поселках они вбросят дополнительные бюллетени, и мы ничего не сможем сделать. Правда, во второй тур наш кандидат все равно гарантированно проходит. Хотя, конечно, было бы лучше, если бы он набрал больше голосов, чем его соперник. У того может оказаться мощная поддержка. Особенно в рабочих поселках, где этого директора комбината хорошо знают. Впрочем, Бронштейн обещает, что все будет в порядке.

– Что предлагаешь делать?

– Нужно лететь в Омск. Я знаю, что в Курске у тебя тоже важное дело, но если мы упустим Омск, то потеряем «Финойл». А они наши крупнейшие заказчики. Ты помнишь, сколько они нам заплатили в прошлом году?

– Я могу не успеть, – глянул на часы Петровский. – Из Курска до Омска напрямую не добраться. Может, ты полетишь вместо меня?

– Губернатор не будет разговаривать ни с кем, кроме тебя, – возразил Юлай. – Ты у нас известная личность, про тебя в газетах пишут, на телевидении твое мнение спрашивают. Меня он даже не примет.

– Сукин сын, – зло отреагировал Петровский. – Ведь специально ждал до последнего дня, чтобы начать торговаться. Может, мы все-таки сумеем протолкнуть нашего кандидата? В общем-то, у Леонида Исааковича осечек никогда не было.

Леонид Исаакович Бронштейн по праву считался ведущим специалистом их аналитического агентства. Он вернулся из Америки еще семь лет назад и с тех пор работал консультантом в «Миллениуме». Бронштейн был гражданином Советского Союза. Родился в Одессе и жил там до восемнадцати лет, после чего переехал в Москву и поступил в МВТУ имени Баумана. Получив высшее образование, несколько лет работал по специальности, а затем эмигрировал в Соединенные Штаты. Это было в восемьдесят втором году, когда перемены в обществе казались невозможными.

Леонид Исаакович прожил в Америке четырнадцать лет, сумел получить американское гражданство и создать небольшую рекламную фирму. Дела у него шли неплохо, но в начале девяностых он переключился на новых советских миллионеров, которым требовалась консультация по финансовым вопросам в Америке. А через несколько лет Бронштейн перевел свой бизнес в Москву. Именно тогда Петровский с ним и познакомился. Леонид Исаакович получал за свои услуги очень много, больше всех остальных сотрудников «Миллениума», вместе взятых. Его гонорар составлял от ста тысяч до полумиллиона, но Петровский считал сотрудничество с ним весьма выгодным. Он стоил таких денег, гарантируя прохождение любого кандидата. А кроме того, казался неистощимым на всевозможные выдумки.

– Бронштейн тоже считает, что ты должен прилететь в Омск, – безжалостно сообщил Юлай.

– Иногда я думаю, что у тебя нет нервов, – пробормотал Петровский. – Мог бы мне этого и не говорить.

– Позвони ему, – посоветовал Юлай.

– Ты же знаешь, он не любит, когда его дергают.

– Двадцать минут назад он сам мне звонил. Я думал – ты еще летишь, не хотел тебя беспокоить.

– Я включил телефон в самолете, – сообщил Петровский, почувствовав, что их закачало еще сильнее. – Надеюсь, с этим корытом ничего не случится.

Он набрал номер Бронштейна и подождал, когда тот ответит. Годы, проведенные в Америке, сказались на речи Леонида Исааковича – он говорил по-русски с заметным акцентом.

– Добрый вечер, Леонид Исаакович, – начал Петровский, услышав знакомый голос.

– Здравствуйте, Святослав Олегович. Я звонил вам в Москву, но Юлай Абуталипович сказал, что вы вылетели в Курск. Попытался перезвонить по вашему мобильному, но он был отключен.

– Я отключил его, когда мы взлетали, – пояснил Петровский, – а сейчас включил.

– Еще в самолете? – ужаснулся Бронштейн. – Это очень опасно. Может, мы поговорим, когда вы сядете?

– Мне разрешили разговаривать, – соврал Петровский, покосившись на двух стюардесс, скромно сидящих в конце салона. – Зачем губернатор хочет со мной встретиться?

– Чтобы поторговаться, – коротко ответил Леонид Исаакович. – Очевидно, понимает, что его кандидат может проиграть. Дело в том, что его директор – весьма непопулярная личность в рабочих поселках. С одной стороны, он, конечно, играет роль отца-благодетеля, раздавая продукты и пайки пенсионерам, а с другой – мы запустили слух, что деньги за эти «подачки» вычитаются из фонда заработной платы комбината и фонда социальной защиты. В общем, люди получают продукты и ругают своего директора.

– Получают, но все-таки ругают, – усмехнулся Петровский. – Типичная психология люмпенов.

– Ну не скажите, – возразил Бронштейн. Он был настоящим психологом. – Людям вообще трудно отказаться от любого дара. «Бойся данайцев, дары приносящих». Это не люмпенская психология, а нормальная. Вы же знаете, что премию «Триумф» присуждают самым известным деятелям культуры нашей страны, – он именно так и сказал: «нашей», – это огромная сумма в пятьдесят тысяч долларов. Всем прекрасно известно, кто дает эти деньги и откуда они у спонсора. Но ни один из уважаемых деятелей культуры за все время существования «Триумфа» не отказался от пятидесяти тысяч долларов. Ни один. Хотя все глубоко презирают выдающего их спонсора. Или вы считаете, что это тоже «люмпенская» психология?

– Вы, как всегда, правы, – согласился Петровский. – Какой у нас рейтинг?

– Примерно равный с соперником, но мы немного впереди. Осталось два дня, и я думаю, что неожиданностей не произойдет. Наш кандидат и директор комбината пройдут во второй тур. Гарантированно пройдут. А во втором туре у нас есть эффектные резервы для усиления. Сразу двое кандидатов твердо обещали отдать нам голоса своих избирателей. Думаю, мы победим во втором туре при любом раскладе. Поэтому губернатор и хочет заранее обговорить условия своего поражения. Похоже, его команда тоже умеет просчитывать варианты. Хотя мне все равно не нравится эта неожиданная встреча, и я пытаюсь узнать, что именно произошло в Москве. Я имею в виду наших спонсоров.

– Понимаю. Значит, мне нужно прилететь в Омск?

– Желательно. Если вы увидите с губернатором до первого тура, возможно, у нас не будет никаких проблем. Мы снимем противостояние и сможем провести нашего кандидата без лишней нервозности.

– Когда встреча? – выдохнул Петровский.

– Завтра днем. Губернатор будет вас ждать. Он, кажется, немного комплексует, когда имеет дело со мной. Американский гражданин, и к тому же еврей, его сильно смущает. Сейчас все немного патриоты и антиамериканцы независимо от того, к какой партии они принадлежат. Хотя на губернатора давят из Москвы. Они требуют, чтобы прошел кандидат от правящей партии.

– Обязательно прилечу, – согласился Петровский, – хотя еще не представляю, как это сделать.

Он убрал телефон и, взглянув на стюардессу, подходившую к нему в начале полета, спросил:

– Мне можно пройти в кабину экипажа? Она посмотрела на свою напарницу и несмело ответила:

– Это запрещено, но вы можете войти.

– Я не собираюсь угонять ваш самолет, тем более что сам за него заплатил, – улыбнулся Святослав Олегович, поднимаясь с места.

Трое мужчин, сидевших в кабине пилотов, повернулись к гостю.

– Извините, ребята, что я вас беспокою, – начал Петровский, – но у меня большая проблема. В Курске я пробуду часов пять, а потом мне очень нужно вылететь в Омск.

– Куда? – не поверил второй пилот.

– В город Омск, – терпеливо повторил Святослав Олегович. – У меня там срочное дело.

Пилоты переглянулись.

– Это невозможно, – сказал первый пилот. Ему было не больше пятидесяти. Сухопарый, худощавый мужчина с седыми волосами и резкими чертами лица.

– Почему невозможно? У вас не хватит топлива? Мы можем заправиться в любом городе по пути туда.

– Нет, вы меня не поняли. Дело не в топливе. У нас небольшой самолет. До Курса и обратно мы можем летать, а в Омск нам придется лететь часов десять или двенадцать. На нашем самолете мы туда не долетим. Нам придется сделать как минимум две посадки.

– Значит, сделаем, – согласился Петровский.

Летчики снова переглянулись.

– Невозможно, – повторил первый пилот, – очень далеко. Надо прокладывать новый маршрут, согласовывать наш полет. И вместе с посадками это займет еще больше – часов четырнадцать или пятнадцать. Вам лучше лететь рейсовым самолетом, так будет гораздо быстрее.

– Понятно. Спасибо, ребята. Уважаю профессионалов. – Он вышел из кабины, доставая телефон. И набрал номер Инны: – Срочно выясни самый быстрый маршрут по трассе Курск – Омск. Мне нужно знать, как можно быть к утру в Омске. Ты все поняла?

– Вы уже прилетели в Курск?

– Нет. Черт побери, нас так трясет! Только садимся. Узнай побыстрее, как можно добраться до Омска. Сейчас семь часов вечера. Считай, что я должен улететь из Курса после двенадцати. Ты все поняла? У тебя есть несколько минут, пока мы приземлимся. Жду твоего звонка. – Он вернулся на свое место, наконец убирая телефон. Болела голова от постоянного напряжения.

– Извините, – робко произнесла стюардесса, подходя к нему.

– Опять хотите напоить меня водой? – пошутил Петровский. – Или водкой?

– Нужно пристегнуться. Мы начинаем снижение.

– Обязательно. – Он пристегнулся. – А знаете что? Дайте мне стакан газированной воды.

– Хорошо. – Стюардесса улыбнулась. Этот незнакомый мужчина ей понравился. Он проговорил все время по телефону, и было очевидно, что у него много работы. Он не выпил за все время пути ни капли спиртного и даже не приставал к миловидным стюардессам. Предыдущие хамы, заказывающие индивидуальные рейсы, как правило, опустошали бары и приставали к стюардессам, считая, что за все уплачено.

Она принесла воды и, дождавшись, когда он выпьет, унесла стакан.

– Девушка, – позвал ее Петровский.

– Что? – обернулась к нему стюардесса.

– Как вас зовут?

– Анна, – ответила она, глядя прямо на него.

– Спасибо вам, Анна, – поблагодарил он, закрывая глаза. И, не дожидаясь ее вопроса, пояснил: – За то, что не мешали.

Самолет пошел на посадку. В этот момент позвонила Инна. Петровский достал телефон.

– Вам лучше вернуться в Москву до одиннадцати вечера и вылететь в Омск отсюда. Есть рейс «Аэрофлота», самолет вылетает из Шереметьева без пяти минут двенадцать. Вы будете в Омске в шесть часов десять минут утра по местному времени.

– Шесть часов лета? – изумился Петровский. – В прошлый раз я летал через Нижний Новгород быстрее.

– Только три часа. Это разница во времени между Москвой и Омском, – напомнила Инна.

– Действительно, забыл. Но я не успею к одиннадцати. Никак не успею.

– Тогда можно через Екатеринбург. Если вы сумеете быть к утру в Волгограде, то сможете вылететь оттуда в Екатеринбург, а затем с пересадкой в Омск. Будете в городе к одиннадцати часам утра, – доложила Инна.

– Это меня больше устраивает. Когда нужно быть в Волгограде?

– Хотя бы в шесть утра.

Петровский задумался. Обернулся к одному из своих сотрудников:

– За сколько можно доехать на машине от Курска до Волгограда?

– Часов за пять, – ответил сотрудник, – может, немного меньше. Но ночью лучше перестраховаться. Дороги плохие.

Петровский нахмурился. Самолет уже садился. Инна терпеливо ждала, что он решит.

– Закажи нам билеты в Омск через Екатеринбург, – решил Святослав Олегович, – я постараюсь успеть в Волгоград. Ты как договаривалась с самолетом? Он должен отвезти меня обратно в Москву?

– Конечно. Мы заказали рейс в оба конца. Туда и обратно. Так дешевле. Юлай Абуталипович предложил оплатить рейс в оба конца. Он сказал, что вам необязательно оставаться в Курске на всю ночь.

– Правильно сказал. – Петровский посмотрел на часы. Нужно договориться с летчиками. – Заказывай три билета. Мы полетим все вместе. Чтобы билеты ждали в аэропорту. У них есть там депутатская комната?

– Я все узнаю, – пообещала Инна.

Он решительно расстегнул ремни, поднимаясь с места.

– Мы уже садимся, – крикнула стюардесса.

– Ничего, – отмахнулся Петровский, проходя в кабину экипажа.

– Вернитесь на свое место, – предложил первый пилот, когда он открыл дверь в кабину.

– Я не хочу вас отвлекать, – прокричал он. – А в Волгоград вы можете полететь?

Летчики переглянулись в очередной раз.

– У нас полетное задание только в Курск и обратно, но если вам нужно...

– Меняйте маршрут, – приказал Петровский. – Вылетим в два часа ночи. Или в час, я пока точно не знаю. Полетим в Волгоград... Я не буду возвращаться обратно в Москву.

– Хорошо, – согласился первый пилот, – но вы должны договориться с нашей фирмой.

– Разумеется, – согласился Петровский, держась за стенки кабины. – Я прямо сейчас перезвоню. Будете ждать меня в аэропорту. Надеюсь, до Волгограда у вас хватит горючего? И, кроме того, каждый из вас получит по тысяче долларов за ночное беспокойство. Все, включая стюардесс, – добавил он, улыбнувшись.

– Спасибо, – усмехнулся первый пилот, – вы, видимо, очень занятой человек.

– Очень, – согласился Петровский. – Иногда сам удивляюсь, насколько я занятой человек.

В аэропорту их ждали два автомобиля. Сотрудники разместились в заказанном джипе, а для Петровского нашли приличную иномарку – почти новый «Ауди». Машины тронулись в город, когда Бубенцов дрожащим от волнения голосом начал докладывать:

– У нас пока все в порядке. Старушку-соседку уже отвезли на нашей машине в больницу. Я пообещал ей пять тысяч рублей, если она будет все время с женой Нечипоренко. Пусть убеж-

дает ее, что врачи должны бороться за жизнь любого, даже самого безнадежного пациента до конца. Так и сказал.

– А что врачи?

– Все нормально. Симонов уехал домой, а лечащий врач ничего не решает без главного.

Но там есть один молодой аспирант, такая гнида...

– Не понял. Опять проблемы?

– Нет-нет, никаких проблем. Просто он очень продвинутый. Все время говорит, что нужно отключить Нечипоренко от аппарата искусственного дыхания и использовать его тело как донорское для других больных.

– Я его самого использую как донора, – со злостью пообещал Петровский. – Умные все стали! У этого несчастного Нечипоренко ни сердце, ни печень, ни почки давно ни на что не годятся. Их пересаживать никому нельзя.

– Активисты их партии требуют тщательного расследования по факту аварии, – добавил Бубенцов, – в прокуратуре им обещали выдать заключение экспертов. Но это глупо. Аварии видели несколько человек, все свидетели говорят одно и то же.

– Это меня меньше всего беспокоит. – Петровский помолчал, затем сказал: – У нас есть три возможных варианта. Первый для нас самый надежный. Любым способом продержат Нечипоренко до выборов. Хотя бы еще два дня. Тогда не будет никаких проблем, и Качанова выберут в это воскресенье. Вариант второй: если Нечипоренко умрет, – он увидел, как съёжился от страха Паша, – нужно уговорить прокурора или председателя областного суда внести протест по поводу исключения из избирательных списков учителя истории. Завтра суббота, но это можно сделать сегодняшним числом, если мы, конечно, договоримся. Протест должен быть принят и рассмотрен. Для этого твоим ребятам необходимо найти председателя местного суда, чтобы тот согласился принять протест задним числом, рассмотреть его и отменить решение его судьи. Тогда мы снова включим нашего учителя, и Качанов сможет принять участие в выборах. Как ты думаешь, у этого историка есть шансы победить нашего кандидата? Только честно?

– Процентом двадцать пять коммунисты всегда набирают, – напомнил Паша. – Но Качанов победит в любом случае. Даже если в первом туре не наберет больше пятидесяти.

– Нужно, чтобы набрал, – решительно заявил Петровский, – ему приспичило стать депутатом именно в это воскресенье, иначе его потом арестуют. Приходится помогать всякому сброду, – в сердцах добавил он.

Бубенцов деликатно промолчал.

– И третий вариант, – продолжил Петровский, – самый рискованный. Необходимо скрыть смерть Нечипоренко и договориться с врачами, что они сохраняют это в тайне еще двое суток. Какой вариант лучше выбрать?

Паша не решился заговорить. Он знал характерную манеру своего шефа. Тот умело формулировал задачи и сам же давал варианты их разрешения, выбирая наилучший. Собеседник ему был нужен лишь для того, чтобы слушать и соглашаться с его мнением.

– Применим все три варианта, – холодно констатировал Святослав Олегович, – сделаем так, чтобы гарантировать этому сукину сыну попадание в депутаты.

– Он скоро приедет в Курск, – напомнил Бубенцов, – боюсь, может нам все испортить.

– Если я еще буду думать о нем, то у меня вообще не хватит никаких сил. Пусть ведет себя скромнее. Тебе сообщат, когда он появится в городе?

– Да. Я заплатил дежурным на посту ГИБДД. Они позвонят, когда машины Качанова будут въезжать в город.

Петровский кивнул и закрыл глаза.

К больнице они подъехали через полчаса. Святослав Олегович и Паша вошли в здание и направились к реанимационному отделению. У дверей их ждали двое сотрудников Бубенцова.

Здесь же на стульях сидели жена и дочка Нечипоренко. Их утешала пожилая женщина в платке, которая гладила несчастную женщину по плечу и что-то тихо ей говорила.

Бубенцов требовательно постучал в дверь. Им открыла медсестра, уже знавшая, что из Москвы приедет очень важный гость. Она молча пропустила гостей в отделение. Бубенцов протянул ей пятьсот рублей. Для медсестры это были немалые деньги – половина ее месячной зарплаты. Они прошли дальше. У дверей палаты, где находился больной, остановились. Паша показал через стекло на больных.

– Их здесь двое. Он и еще один инвалид. Упал в открытый канализационный люк, говорят, что повредил себе печень.

Петровский поморщился и посмотрел через стекло на обоих лежащих на кроватях.

– Что вы здесь делаете? – услышал он возмущенный голос за спиной и обернулся.

Перед ними стоял молодой человек лет двадцати пяти. Русые волосы, правильные черты лица, пухлые губы и светлые глаза. Больничный халат явно великоват. Было заметно, как он смущается, общаясь с посторонними. Петровский с интересом посмотрел на него, затем перевел взгляд на Бубенцова, требуя объяснений.

– Аспирант, – пояснил Паша, – тот самый.

Святослав Олегович развернулся к молодому человеку.

– Я представитель избирательной комиссии, – сообщил он. – Мне нужно знать, что случилось с нашим кандидатом в депутаты. Какое у него состояние?

– Извините, – пробормотал аспирант, – я не знал. Ему очень плохо. Думаю, до утра не дотянет. Обширные внутренние повреждения, кровотечение. Отказала левая почка. Серьезно поврежден мозг. Но сердце пока держится. Хотя я объяснил его супруге, что это одна видимость. Мы уже потеряли его как личность. К сожалению, он не сможет поправиться, это невозможно.

– Что вы предлагаете? – деловито спросил Петровский.

– Отключить аппаратуру и не мучить человека, – ответил молодой человек. – Зачем prolongировать его агонию? Всем понятно, что он рано или поздно умрет. По-моему, гораздо гуманнее дать ему спокойно заснуть.

– Вы православный человек? – строгим голосом поинтересовался Святослав Олегович.

– Вообще-то я атеист, – улыбнулся молодой врач. – Трудно быть верующим, когда специализируешься на хирурга.

– А он православный, – заявил Петровский, – и его семья тоже глубоко верующие люди. Представьте, какую боль вы наносите им вашим предложением. Покончить с собой – значит, лишиться божьего благословения. Для верующих людей такой грех просто немыслим. Не говоря уже о том, что по правилам православной церкви самоубийц нельзя отпевать и хоронить рядом со всеми. Вы понимаете, на какую боль обрекаете его родных и близких?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.